

Выездная Кроме стационара, где лежат пациенты, я работаю еще и на выездной службе: приезжаю общаться на дом к больным, а также разговариваю с ними по телефону. Но чаще за помощью обращаются их родственники, «до» и «после» смерти. Мой рабочий день разделен на несколько частей. Сначала я обхожу весь хоспис, диагностирую настроение сотрудников и с некоторыми из них назначаем время встречи для кратенького релаксационного массажа, за время которого они успевают мне рассказать все свои печали, а я их — расслабить и ободрить. За 5 минут!

Потом захожу к врачам — их рабочий день начинается на три часа раньше моего, и кто-либо из них с удовольствием составляет мне компанию попить чаю, оторвавшись от ненавистного компьютера: к письменным медицинским картам пациентов теперича добавились электронные и времени они съедают предостаточно.

Врачи массаж не любят и предпочитают монологи: пока мы ждем, когда закипит чайник, я выслушиваю ироничный рассказ о том, что у нас, как обычно, происходит то, что характеризуется одним общеизвестным словом. Ну вы его знаете.

И те накопившиеся уже эмоции, от которых они берегут друг друга, сидя вчетвером в одном кабинете, выплескиваются в моем присутствии под неспешность чайной церемонии. Обычно я общаюсь с ними по одному (по одной) и стараюсь дать им возможность в течение дня выговориться: я умею внимательно слушать и молчать. Второе ценится больше.

Далее я делаю глубокий вдох и поднимаюсь на второй этаж, где у нас царствует выездная служба. Именно они поставляют пациентов в хоспис, обзванивая и объезжая два больших района города и выбирая из них тех, кому помощь хосписа жизненно необходима. Врачи стационара в большинстве своем всегда недовольны состоянием поступивших больных и периодически поднимаются на выездную, чтобы выразить свое негодование, что тех привозят буквально за три дня до смерти.

Невозмутимая выездная служба обычно молча выслушивает эти правомерные претензии и продолжает поставлять сильно нездоровых пациентов. Других у нас нет!

Действительно, люди до последнего стараются находиться дома и редко сразу соглашаются к нам на госпитализацию. Это и неудивительно. Само слово «хоспис» вызывает ассоциацию, что это дорога в один конец.

Иногда подключают меня, чтобы я рассказала об условиях нашего стационара особо сопротивляющимся пациентам, родственники которых уже не справляются совсем.

И мне, как правило, удается красочно расписать все достоинства нашего учреждения по обезболиванию и уходу. Ведь так оно и есть!

— Я что, в Раю? — часто удивляются только что поступившие пациенты. — Почему вы так решили? — спрашиваем.

— Да вы тут все ангелы!

Почти все они так называют нас за неистощимую доброжелательность и профессионализм. О чем свидетельствует и толстая книга отзывов, полная добрых слов благодарности за наш труд.

— Вот бы везде так относились к людям, как у вас!

Эти слова мы тоже часто слышим, но не считаем себя какими-то особенными: добросовестная забота о пациентах для нас естественна, как дыхание.

Одна из наших нянечек выразила одной фразой общую идеологию: «Мы же там, на небе, потом с ними встретимся, и если не сделаем сейчас для умирающих все возможное, как

же мы им в глаза будем смотреть?»

На выездной есть журнал для записи ко мне на консультацию. Надо сказать, что в большинстве случаев врачи и медсестры сами замечательно умеют общаться, и только в редких случаях обращаются за моей помощью.

Вот к этим-то трудным звонкам я так долго готовлюсь и не спешу уходить с первого этажа. Пока поднимаюсь по лестнице, перенастраиваюсь на предстоящий телефонный разговор.

Хоть бы сегодня не было заявок — надеюсь робко, — тогда пойду к пациентам на первый этаж поговорить, или погулять выведу. Или на вызов бы съездить с врачами. Уж все лучше, чем телефон.

Захожу в диспетчерскую, там тоже завязываю разговор, проясняя обстановку на выездной. Нахожу глазами свой журнал на полке и наконец-то открываю его.

Прям легко выдыхаю, когда записи для меня нет и я радостно возвращаюсь в стационар заниматься текущей работой. Жизнь удалась!

Если же запись есть, то иду в пустой кабинет, долго устраиваюсь удобно в кресле с ручкой и бумагой под рукой и набираю номер.

— Здравствуйте! Галина Михайловна? Это психолог из хосписа. Можете сейчас говорить?...

И начинается неторопливый разговор, который, по моим ощущениям, будет длиться вечность, но обязательно закончится огромной благодарностью в наш адрес. До меня у них дома уже были наши врачи и медсестры, и сделали все, чтобы облегчить им физическую боль. Мое дело — облегчить психологическую. И таких разговоров может быть несколько. Про усталость, про отчаяние, про смерть и про жизнь после...

И когда они закончены, уже с чувством выполненного долга иду снова на первый этаж. Впереди еще несколько часов работы, но самое трудное уже позади.

Дико хочется сладкого, благо, коробки конфет и торты есть почти всегда, как подарок от благодарных родственников. И черт с ним, с лишним весом, пусть он будет, ведь горечь от печальных разговоров просто необходимо заесть прямо сейчас.

Мне ведь сегодня еще улыбаться и улыбаться людям!

В конце дня захожу в нашу библиотеку, там стоит пианино, и долго играю на нем разные мелодии, пытаюсь выразить свои собственные пережитые эмоции через музыку до тех пор, пока не зазвучит под пальцами мажор. Жизнь продолжается.

Любовь — Вы куда-нибудь торопитесь? — спросил пожилой мужчина, в палату которого осмелилась наконец-то войти. Впервые за два года работы в хосписе переступила запретную черту: прежде я категорически отказывалась общаться с пациентами-мужчинами, как бы меня об этом не просили.

Я не хотела видеть их слабость, боль и беспомощность. Для меня мужчины — это всегда герои, даже если слегка и ранены, то имеют возможность исцелиться. И пример тому — мой муж, который, что бы себе ни сломал и чем бы ни болел, восстанавливал себя сам с хорошей долей самоиронии и минимальным обращением к врачам: стоически голодая по тридцать дней, либо отрезая лишнее или заменяя поломанные детали тела на титановые. И это давало веру в продолжение жизни.

Но у этих пациентов впереди — близкая смерть, и я не хотела признавать и видеть это. Однако на этот раз любопытство преодолело внутренний запрет: в хосписе рассказывали, что Евгений Семенович пишет очень хорошие стихи. Вот за ними я смело и пришла, вежливо попросив перекинуть их мне на флешку, даже не представившись,

как будто мы давно знакомы.

Мужчина сидел на кровати, лицом к окну, перед ним на столике стоял работающий ноутбук. Видимо, я застала его в момент какого-то серьезного размышления. Он медленно повернулся ко мне, кивнул в знак согласия и тихо спросил:

— Вы куда-нибудь торопитесь? — его пронизательные глаза смотрели на меня в упор, и по его взгляду я поняла, что он готов к любому ответу, и к согласию и к отказу.

Мы долго изучали друг друга и, не отводя глаз, я улыбнулась и сказала свою любимую на этот счет фразу:

— Нет, я никуда не тороплюсь, у меня впереди — вечность! — У меня — тоже, — удовлетворенно улыбнувшись, поэт медленно повернулся к экрану, и в повороте головы я увидела черты моего отца.

Боже, как давно я не была у родителей, и как же я их люблю, завтра же поеду к ним — пронеслось в голове и тоскливо защемило сердце.

Удобно пристроив опухшую ногу на стул, мужчина сказал, что пишет стихи с 1985 года, их накопилось более двухсот, и если я хочу, он мне их почитает.

— Да! — обрадовалась я, и забыла напрочь, что нахожусь на работе, где меня многие ждут пообщаться и разделить свои печали-радости вместе. Но впереди было пять рабочих часов, которые я могла продлить по своему желанию до ночи. — Начну с сегодняшнего дня, — продолжил Евгений Семенович бесстрастно, и, глядя в окно, начал наизусть читать свои стихи, неожиданно молодым и выразительным голосом, в котором скрывалась ирония:

Мне повезло. Тут тихо и спокойно. И персонал заботлив, и врачи. Твержу себе: веди себя достойно, И по
ночам от боли — не кричи.

Дождись рассвета. В шесть утра — таблетка,

Отстанет боль и понесется день:

Компьютер, телек, мне звонят нередко,

Визиты и прогулки — все не лень.

Я днем живу активно и привычно:

Сижу, брожу — лишь только б не лежать.

Проход свободен — можно убежать,

Да вот — зачем? Тут все идет отлично,

Прекрасно кормят, гасят боль к рассвету,

Лишь только выписки отсюда — нету...

Последовала пауза, и до меня медленно дошло: это же про наш хоспис, он прекрасно осознает, где находится и что с ним произойдет в ближайшее время. Он готов к смерти. Он на стадии принятия! — мысли лихорадочно путались в моей голове, смешиваясь с профессиональными знаниями и человеческими эмоциями.

В психологии давно описаны постепенные стадии принятия стрессового события: шок, отрицание, агрессия, депрессия, смирение. Эти стадии, как тормозной путь, они дают возможность нашей психике постепенно пережить стресс и справиться с ним.

Большинство пациентов не понимают, что с ними и где они, и надеются выздороветь и уйти от нас своими ногами. Их психика либо отрицает диагноз, либо занимается поисками виноватых, либо повергается в уныние. Они спрашивают у врачей, почему им становится все хуже и хуже. И вечный вопрос — говорить правду пациентам или нет, уже, кстати, официально разрешенную, остается открытым.

Диагноз и прогноз проговаривается с родственниками, но они тоже не очень верят в то, что их близкий человек может умереть в ближайшее время, и надеются на чудо выздоровления, которое случается очень редко и связано с неправильной постановкой диагноза в большинстве случаев.

Во всяком случае, в нашей стране не озвучена статистика по исцелению от рака в четвертой стадии. По интернет-источникам, на западе есть клиники, которые берут больных на последней стадии и исцеляют их с помощью сыроедения и других натуральных средств питания. Но мы живем там, где мы живем, и мы те, кто мы есть, и едим то, к чему привыкли.

В нашем городе помощь онкопациентам развита вполне прилично, есть врачи и есть лекарства, есть хорошие результаты излечения на ранних стадиях, что не скажешь о глубинке. Но чтобы оказаться пациентом с ранней стадией, надо регулярно проходить медосмотр, причем, добровольно и сознательно, к чему наше население не привыкло. Мы обращаемся к врачам, когда уже не вмогут терпеть, и лечимся от всех болезней водкой и чесноком. А врачей вызываем только к своим температурным детям. Я не права?

Хоспис — это место, где оказывают паллиативную помощь больным с последней стадией рака и с прогнозируемым неблагоприятным исходом. Этот исход может произойти на следующий день после поступления к нам, а может и через два года. Никто точно не предскажет день смерти. Это ведомо только Господу.

Между собой, мы называем наш хоспис «роддомом в вечность», ведь большинство пациентов лежат как беспомощные дети, и их кормят, перестилают, меняют памперсы, и бережно ухаживают до конца. До перехода в Вечность. Никто из нас уже не отрицает присутствия иного мира, куда отправляются души.

Некоторые даже их видят и делятся этим со мной, зная, что я приму их любыми и не обвиню в неадекватности.

Принимать и любить жизнь такой, какая она есть сейчас, без осуждения и желания ее срочно изменить к лучшему — мое мировоззрение, сформировавшееся за время работы в хосписе.

Возможно, поэтому ко мне всегда тянутся люди, что я могу их принять такими, какие они есть, и могут рассказать мне все, что лежит у них на душе.

И я не буду давать им советов что-либо сделать с моей точки зрения правильного или умного, скорее, могу сказать «люби и благодари Бога за то, что есть сейчас», потому что сейчас — это все, что у нас есть, это лучший момент для жизни.

Ни прошлое, которого уже нет, но о котором мы так часто сожалеем и хотим изменить, ни будущее, которое неизвестно и которое часто вызывает страх, а только настоящий момент, здесь и сейчас — это и есть совершенная жизнь. Это мой взгляд на жизнь, с которым я живу гармонично и счастливо.

Здесь и сейчас со мной все в порядке. Это и называется смирением, жить с миром в душе. И этот мир в душе позволяет мне совершать много дел, потому как я не трачу время и энергию на мысли о прошлом, либо будущем, я нахожусь «здесь и сейчас» и целиком занята тем, что делаю в настоящий момент. С удовольствием!

«Будьте как дети...» У детей есть только настоящее, они не помнят прошлого зла и не конструируют ужасного будущего, они полностью погружены в то, что делают сейчас и счастливы этим.

В палату вошла маленькая пожилая женщина с авоськами. Это была жена Евгения

Семеновича.

Я вскочила, чтобы уйти и оставить их вдвоем, но она торопливо сказала:

— Сидите, сидите, для него это важно — поговорить. А мне бы только рядом посидеть. Она села с другой стороны кровати и прижалась к нему спиной. Он повернул к ней голову, улыбнулся, нашел ее руку? и они замерли.

И в этой тишине как будто зазвучал диалог двух душ, радостный и печальный одновременно.

И время как будто остановилось, давая пространство энергии Любви, которая все больше заполняла комнату и вытесняла смерть.

«Любовь сильнее смерти» — неожиданно услышала внутри себя.

Я замерла в потрясении от красоты и сдержанной силы в проявлении их чувств, и слезы стали подкатываться к глазам, то ли от сострадания, то ли от зависти: я в жизни не любила так ни одного из своих мужей.

Может, любовь — это дар, которым награждают избранных? Или любовь проявляется только в момент приближающейся разлуки? Или нужно прожить с одним человеком всю жизнь и только тогда она постепенно раскроется во всю силу, как прекрасный цветок? Я не успела додумать свои мысли, как супруги открыли глаза и синхронно повернулись ко мне с улыбками на счастливых лицах.

Похоже, что они уже все друг другу рассказали без слов и были готовы меня слушать. Или объединились против меня, зная, что психологи приходят для тяжелых разговоров перед предстоящей утратой?

— Как вы поженились? — спросила я, нарушая молчание.

Их близость так тронула мое сердце, что захотелось узнать секрет их счастья. Супруги оживились, и стали наперебой рассказывать про свое нечаянное знакомство на улице, день свадьбы и последующее путешествие длиною в жизнь.

Все это живо и с юмором описывалось на два веселых голоса и как будто произошло только вчера.

И буквально в несколько минут разговора перед ними пронеслась их семейная жизнь, полная событий, радостных и печальных, которая должна была закончиться в ближайшее время.

Тоска сжала мое сердце.

«Любовь никогда не перестает...» — опять прозвучало внутри.

В дверь постучали, и заглянувшая медсестра вызвала меня к другому пациенту.

Я с облегчением и сожалением одновременно покидала эту комнату, наполненную светом их любви.

— Зайдите ко мне, пожалуйста, если сможете, — обернулась я к жене.

«Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» — продолжала разворачиваться фраза, как будто я ее знала когда-то, да забыла. Я заглянула в интернет и доучила ее до конца.

Через час женщина пришла ко мне в кабинет, присела на краешек дивана.

— Он спит сейчас. Потом мы пойдем гулять, — пояснила так свой приход. — Как Вы спите по ночам? — спросила я, присаживаясь рядом.

Эта фраза часто бывает приглашением к разговору, или, скорее, к монологу страдающего человека, которому вскоре предстоит расстаться с любимым телом.

Иногда я сажусь напротив, сохраняя контакт глаз, а иногда рядом, чтобы мои глаза не мешали воспоминаниям.

Посетительница не нуждалась в словах утешения и поддержки, ей просто нужно было выговориться.

— Не сплю. Но мы уже все обговорили. И про смерть, и про похороны, и про наследство. Мы попрощались уже. И то, что он все еще жив — подарок для меня. Как жаль, что поздно начал лечиться...

И далее последовал длинный монолог о печалях и трудностях их жизни, о детях и внуках, о неожиданном диагнозе и быстром течении болезни.

«Любовь долготерпит, милосердствует» — слова уверенно пробивали себе дорогу в моем сознании, все набирая силу, как будто стремились утвердиться там. «Любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Мы выдохнули почти одновременно.

— Ой, что-то я засиделась. Вдруг он проснулся? Побегу к нему. Спасибо, что выслушали. Я при нем не плачу.

Женщина быстро вытерла слезы, улыбнулась и вышла из кабинета.

Мой рабочий день закончился. Я вышла из хосписа и побрела на берег финского залива, который в пяти минутах ходьбы от нас. Голубой экран бескрайнего синего неба показывал медленно плывущие белые облака. Это мое любимое место и единственный телевизор. Я могу часами смотреть на горизонт, слушать плеск воды, крики чаек, ворошить льющийся сквозь пальцы песок.

Зачерпни ладонями горсть воды или песка и сразу поймешь, что ничего нельзя удержать долго и нам ничего не принадлежит на этой планете, кроме собственного тела, и то очень временно, всего лишь лет на сто.

А самое ценное для жизни тела — воздух — мы и не видим. Как не видим и Создателя этого мира, а только верим в него с большей или меньшей долей сомнения.

Накопившиеся за день слезы наконец-то вырвались на волю, как будто стремились соединиться с морской водой, плескавшейся у самых ног.

— Господи, зачем ты привел меня на эту работу, где бесконечная боль? Ты же видишь, я никому не могу помочь. И если ты — Любовь, почему так тяжело умирать? Почему так страшно идти к тебе, если ты — Свет?

И в какой-то момент, совершенно неожиданно, ответом внутри меня зазвучала музыка. Это был многоголосный хор, исполняющий гимн любви из оперы «Юнона и Авось» на стихи Андрея Вознесенского.

Аллилуйя возлюбленной паре, Мы забыли, бранясь и пируя, Для чего мы на землю попали. Аллилуйя любви! А

ллилуйя всем будущим детям,

Наша жизнь пролетела аллюром...

Мы проклятым вопросам ответим:

Аллилуйя любви!

Аллилуйя любви!

Аллилуйя!

Эту знаменитую рок-оперу мое поколение знает почти наизусть. К тому же музыкальное образование и собственное многолетнее пение в хоре давало полноту внутреннего звучания.

Погрузившись в музыку, я постепенно успокоилась, и мажорный торжественный финал

гимна окончательно высушил мои слезы.

— Спасибо тебе, Господи. Я все поняла. Твоя любовь никогда не перестает. Твоя. Улыбнувшись невидимому мне Богу, я стряхнула песок и поспешила домой, где ждал муж, несовершенный во многих отношениях, но любящий меня, самую совершенную для него. И эта его способность была важнее всего.

— Прости меня! — прошептала я, устроившись, как обычно, на его плече и рассказав все, что произошло на работе.— За что? — удивился он.— За все! За прошлое, настоящее и будущее. Я и так не сахар, но буду еще хуже со временем, сварливой и некрасивой. И в конце концов я умру. Простишь?

— Да. И ты прости меня — ответил он, немного помолчав.

Предстоящая неизбежная разлука стала столь очевидна, что слезы опять потекли ручьями из глаз. Как коротка земная жизнь! И как хочется верить, что на небесах мы тоже будем вместе.

Евгений Семенович перешел в Вечность через месяц, на руках своей супруги, как и хотел.

Последняя нота, последний бросок, Последняя жаркая встреча. Кончается музыка,
подвиг высок, Разлука

— чему-то предтеча!?

Истаяли звуки — пришла тишина.

Сражение — миром вершится.

Рождает ребенка, оставшись одна —

Но в нем и отец повторится.

Нет в жизни концов! Есть приход и уход,

Всеобщий закон превращения,

Всежизненный поиск сращения:

Животные — стая, люди — народ,

Двое смертных с одною судьбой —

Это мы с тобою!

[\(продолжение статьи здесь\)](#)